

DOI: 10.18572/2687-0339-2024-1-19-25

«Бебрянь рукавъ» «Слова о полку Игореве» в русской и китайской славистике

Анна Валерьевна Архангельская,

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: arhanna@mail.ru;

Ли Цзивэй,

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: zwli1563107653@outlook.com

Выражение «бебрянь рукавъ» до сих пор остается одним из спорных мест в «Слове о полку Игореве», время от времени получающим новые истолкования. Статья ставит целью проследить эволюцию толкований данного выражения. Демонстрируются рациональность и обоснованность различных взглядов с учетом их отражения как в существующих переводах «Слова» на современный русский язык, так и в переводах и интерпретациях китайских славистов. Обращается внимание на ограничения разных гипотез и многозначность самого выражения. В результате, системно оцениваются возможности и перспективы герменевтических исследований выражения «бебрянь рукавъ» для литературоведческого и историко-культурного изучения «Слова о полку Игореве» и его эпохи.

Ключевые слова: бебрянь рукавъ, «Слова о полку Игореве», плач Ярославны, герменевтические исследования, перевод.

Одним из самых часто цитируемых, переводимых и наиболее разносторонне исследованных фрагментов «Слова о полку Игореве» по праву является знаменитый «плач Ярославны». Число переводов и переложений одного из самых лирических отрывков древнерусского эпоса исчисляется сотнями, многие известные поэты обращались к нему как к своеобразному вызову, соревнуясь друг с другом в попытках передать всю глубину и символическую насыщенность древнерусского оригинала. Тщательно рассмотрено и изучено практически каждое слово в этом тексте, но многие аспекты, начиная от жанровых характеристик и заканчивая конкретными лексическими значениями, до сих пор обсуждаются, неоднозначно оцениваются и интерпретируются. Эти точки зрения отражаются в переводах не только на современный русский, но и на иностранные языки. Мы рассмотрим, как разные русские исследователи толкуют словосочета-

ние «бебрянь рукавъ», омочив который в реке Каяле, Ярославна хотела утереть кровавые раны на теле своего мужа. Особое внимание уделяется тому, какие варианты предпочитают русские и зарубежные переводчики. Выбор китайских переводов в качестве объекта исследования обусловлен тем, что в данном случае можно проследить как влияние советской и российской медиевистики на китайскую русистику, так и попытки адаптировать древнерусский памятник для читателя с принципиально иным литературным опытом.

В переводах «Слова» спорное слово «бебрянь» может опускаться (А.А. Прокофьев предлагает вариант «И в реке Каяле дальней / Я рукав свой омочу»¹), сохраняться (у А.Н. Майкова читаем: «Омочу бебрян

¹ Здесь и далее поэтические переводы «Слова», кроме особо оговоренных случаев, цитируются по: [Слово онлайн].

рукав в Каяле», у А.К. Югова: «Омочу бобрый рукав у Каялы-реки»), либо заменяться — причем достаточно частотно — на прилагательное «белый» (у И.И. Шкляревского обнаруживается: «долечу до реки до Каялы, / омочу в ней рукав свой белый», у современной поэтессы Марии Ботевой — «воды набирать обмакивать белые рукава в реке Каяле»).

Такие варианты перевода связаны с тем, что сам факт наличия в авторском тексте древнерусского памятника определения «бобрый» до сих пор подвергается сомнению. Совсем недавно И.В. Лемешкин предлагал рассматривать данное выражение в мусин-пушкинском сборнике как искаженное под влиянием предшествующей «Слову» «Повести об Акире Премудром», включавшей упоминание «бобра», словосочетание «верчень» или «берчать» рукав, т. е. узорчатый, расшитый вышивкой и в то же время съёмный, такой, который можно было отстегнуть или оторвать от одежды и использовать отдельно [Лемешкин 2017: 43–61].

Наиболее частотным толкованием слова «бобрый» оказывается вариант «бобровый» и его производные. Н.В. Шарлемань довольно подробно отстаивал точку зрения на «бобрый» как «бобровый», отмечая, что мех бобра «дорого ценился и шел на обшивку рукавов и на воротники». Полемизируя с А.К. Юговым, упоминавшим вариант тигровой шкуры, Н.В. Шарлемань указывал на синонимические отношения слов «бобр» и «бобр» в древнерусском языке: «Это название созвучно санскритскому babru, белорусскому бабер, литовскому babru, bebris, а также большинству названий этого зверя на древних и современных языках Европы и передней Азии» [Шарлемань 1948: 117]. Исследователь также обращал внимание на народные представления об особых свойствах бобровой шкуры и меха, известные в древней Руси и отчасти сохраняющие распространение до наших дней: «В древней Руси бобр был широко распространен, его мех шел на изготовление предметов широкого употребления. Кроме того, бобровый мех

и бобровая струя считались в народе целебными. Занимаясь в 20-х годах изучением бобра на р. Тетерев вблизи Киева, я узнал от одного охотника, что наилучший способ остановить кровотечение — потереть ранку бобровым мехом, смоченным в воде» [Шарлемань 2014: 422].

Специалисты по истории русского костюма подтверждают, что меховая одежда или ее детали воспринимались в Киевской Руси как знак статуса². В русском средневековье «княжеская дань неизменно исчислялась в пушнине», что, как отмечает Б.А. Рыбаков, даже в определенной степени способствовало развитию пушной охоты в древней Руси, хозяйство которой не было охотничьим [История культуры Древней Руси: 322]. Поскольку меха пушных зверей «представляли наибольшую ценность на мировом рынке» [там же], неудивительно, что они также пользовались большой популярностью среди русской знати.

В соответствии с этой версией получили широкое распространение варианты перевода «бобровый» или «отороченный мехом бобра», «с бобровою опушкой». Это значение приводится в прозаическом переводе Р.О. Якобсона, оно было распространено в ранних поэтических переводах «Слова», его используют В.А. Жуковский («Омочу бобровый рукав в Каяле-реке»), Т.Г. Шевченко («Рукав бобровый омочу / В ріці Каялі»), И.И. Козлов («И в Каяле-реке бобровый / Я рукав мой обмочу»), Д.И. Минаев («Так рукав бобровой шубы / «Я въ Каяль омочу!»), А. Вельтман («Въ Каяль бобровый рукав омочу»), Л.А. Мей («Омочу рукав бобровый / Во Каяле, во реке»), К.Д. Бальмонт («Омочу рукав бобровый я в реке Каяле быстрой»), Н.А. Заболоцкий («И рукав с бобровою опушкой / Наклонясь, в Каяле омочу»), Е.А. Евтушенко («рукав с бобровой оторочкой / в реке Каяле омочу»), В.А. Соснора («Омочу рукав бобровый, / князю раны вспеленаю») и др.

² Подробнее см., например, [Захаржевская 2006: 56–73], [Комиссаржевский 2005] и др.

Н.А. Мещерский в начале второй половины XX столетия высказал предположение, что «бобрень» означает «сшитый из белого шелка»³, обратив внимание на имеющиеся в древнерусских переводных текстах упоминания существительного «бобр» в качестве обозначения дорогого шелка. А.А. Пичхадзе указывала на то, что суффикс *-ян* нетипичен для образования прилагательных форм от названий мехов, и считала, развивая мысль Н.А. Мещерского, что «перенос названия меха на ткань мог произойти в древнерусском языке под влиянием хазарского слова «хаз», обозначающего дорогой мех и шелковую материю» [Пичхадзе 2004: 29].

Именно это значение указано в поздних подстрочном и объяснительном переводах Д.С. Лихачева, в прозаических переводах О.В. Творогова, Г.В. Сумарукова, Г.П. Шторма, в поэтических переложениях Р. Митина («Омочу рукав шелковый я крутой волной Каялы»), В. Темнухина («Не крылом коснусь волны бессонной — / Белым шелком с нитью золотой», в его же английской версии — «With white silk gold threaded coat»), Ю. Лифшица («Рукав шелковый омочу в Каяле») и др. Несмотря на то что эта гипотеза пока реже используется в переводах, она стала ведущей в отечественной науке и господствует до сих пор.

В последнее время дискуссии относительно рассматриваемого словосочетания перешли в другую плоскость и обсуждают иные значения входящих в него слов. Одним из последних обращений к трактовке этого словосочетания стала статья Л.В. Соколовой «Каким “рукавом” утирала Ярославна кровавые раны Игоря (к вопросу о поэтике “Слова о полку Игореве”)», где исследовательница, проанализировав большое количество данных, связанных с историей византийского и древнерусского костюма, а также с сербским песенным фольклором, пришла к выводу о том, что речь идет не о рукаве в привычном всем понимании этого слова, а о специальном

платке-полотенце, который фигурирует в былинах и песнях именно в варианте «рукав» или «рукавчик» [Соколова 2019]. Но ее взгляды пока не отражаются в переводах.

Все три основных понимания слова «бобрень» появляются в переводах «Слова» на китайский язык.

Наиболее известным по праву считается первый полный перевод, предложенный Вэй Хуанну в 1957 г. Переводчик-литературовед Вэй Хуанну в первую очередь опирался на перевод «Слова» Д.С. Лихачевым на современный русский язык [Слово 1954], с учетом трактовки текста в издании под редакцией В.П. Адриановой-Перетц [Слово 1950] и в английском переводе 1915 г. [Слово 1915]. Перевод словосочетания «бобрень рукав», предлагаемый китайским переводчиком, такой: «海狸 (бобрый) 长 (длинный) 袖 (рукав)» [Слово 1957: 25]. Слово «бобрень» трактуется как «бобрый». Добавленное в соответствии с ритмом китайского языка прилагательное «длинный» визуализирует, каким именно рукавом Ярославна утирает раны мужа. Такая обработка соответствует толкованию Д.С. Лихачева (что также отмечается в комментарии Вэй Хуанну): «Рукава верхней одежды знати в древней Руси делались длинными. <...> Такой длинный рукав легко можно было омочить в воде, чтобы утирать им раны, как платком»⁴. Эту точку зрения китайские исследователи чаще всего цитируют и упоминают в ссылках.

В первом отрывочном переводе «Слова» на китайский язык, опубликованном в 1934 г., переводчик Мо У предлагал аналогичный вариант «海狸 (бобровые) 皮 (кожаные) 袖 (рукава)» [默无 (Мо У) 1934: 48]. С помощью эпитета «кожаный» материал рукавов отражается еще более конкретно. Вэй Хуанну установил, что этот перевод был осуществлен на основании английского перевода «Слова» [魏荒弩 (Вэй Хуанну) 1985: 15]. Учитывая смысл общего контекста, предполагаем, что перевод был сделан

³ См. [Мещерский 1956: 5–6], [Мещерский 1958: 43–44].

⁴ См. [Слово 1957: 49]. Ср.: [Слово 1950: 461].

на основании английского перевода 1915 г., где предлагается вариант «beaver sleeves», в комментарии к которому отмечено: «Бобрень, modern Russian бобровъ» [Слово 1915: 48].

Как и в русской науке, спорное выражение может оставаться без перевода или заменяться на другие прилагательные, такие, как «мягкий», «белый» или «шелковый». Так, во втором полном переводе на китайский язык, сделанном Ли Сиинем в 1991 г., рассматриваемое выражение переведено как «轻柔的 (мягкие) 双袖 (рукава)» [Слово 1991: 42]. В научно-популярной книге «Большой сад русской литературы» Лю Вэньфэй также предпринял попытку перевести плач Ярославны. Выражение «бобрень рукав» трактуется как «白色的 (белый) 丝 (шелковый) 袖 (рукав)» [Плач Ярославны]. Добавленный белый цвет не только соответствует культуре костюма Древней Руси, но и перекликается с представлением российских ученых и переводчиков.

Если в текстах китайских переводов можно заметить, что гипотеза о «бобровом рукаве» является наиболее распространенной в китайской науке, то в примечаниях к переводам отражается смена авторитетных мнений по этому поводу.

Так, в переводе Вэй Хуанну предлагал лишь один вариант для слова «бобрень» — «бобровый», но комментарий к этому выражению изменился в четвертом издании перевода в 2000 г. В первых трех изданиях, вышедших в 1957, 1983 и 1991 гг., к слову «бобрень» дается комментарий: «Бобровый мех был излюбленным мехом в Древней Руси. Им широко пользовались для опушки краев богатой одежды, в частности, и рукавов»⁵. А в версии 2000 и 2017 гг. добавляется версия, «по которой здесь речь идет о “шелке, атласе”, а не о “бобре”»⁶.

Напомним, что в ритмическом переводе Д.С. Лихачева, опубликованном в 1950 г., выражение также было переведено как «бо-

бровый рукав» [Слово 1950: 70], но в 1961 г. русский ученый изменил свой вариант и предлагал переводить как «шелковый рукав». В примечании Д.С. Лихачева: «Бебрь, беберь, как установлено в последнее время Н.А. Мещерским, — белая шелковая ткань особой выделки. Бебрень — шелковый» [Слово 1961: 224]. Новое мнение впервые упоминается в китайской славистике в комментарии Ли Сииня к слову «бобрень»: «Прилагательное от слова “бебрь” или “бобрь”, “сделанный из меха бобра, украшенный мехом бобра”. По словам Дмитриева, “На Руси был широко распространен бобровый мех, — из него делали опушку на богатой одежде”⁷. По Мещерскому, слово обозначает шелк особой выделки, а не мех бобра, так как тогда было раннее лето. В XII в. в русском языке не было слова шелк, и все дорогие материалы для одежды назывались бобровыми» [Слово 1991: 134–135]. Очевидно, что новые идеи влияют на понимание словосочетания китайским переводчиком.

Трактовка этого фрагмента китайскими переводчиками наиболее репрезентативно отражает взгляды китайских славистов, что также влияет на понимание китайских читателей, так как переводчики — это те, кто лучше всех иностранных читателей знает произведение и наиболее глубоко обдумывает смысл текста.

В «Слове» до сих пор остаются «темные места», не получившие однозначной интерпретации. Следует признать, что все вышеупомянутые версии, истолковывающие значение выражения «бобрень рукав», по-своему обоснованы. Но в то же время не стоит игнорировать ограниченность этих взглядов. Так, версии о «шелковом рукаве» и «шелковом платке» сами по себе доказывают, что «бобровый рукав» — не единственный возможный вариант. А с сомнениями Н.А. Мещерского в «бобровом» варианте также можно поспорить. Так, возражая на первоначальную версию перевода Д.С. Лихачева,

⁵ См. [Слово 1957: 49] [Слово 1983: 48] [Слово 1991а: 48].

⁶ См. [Слово 2000: 46] [Слово 2017: 51].

⁷ См. [Слово 1952: 284].

Н.А. Мещерский пишет: «Не лучше ли будет в этом контексте “бебрянь рукавь” понимать как рукав из шелковой, белоснежной ткани, вполне подходящей для летней одежды княгини» [Мещерский 1956: 6]. Однако, по данным климатологии, Русь конца XII — начала XIII вв. как раз находилась в переходе от климатического оптимума к малому ледниковому периоду. Климатологи обращают внимание на летописные свидетельства: «В 1163 г. снова осенью ударили сильные морозы, а зимой, напротив, отмечались дожди с громом и молниями. Зимой 1177 г. лед на реках появился только в феврале. Мягкие зимы во второй половине XII в. чередуются с чрезвычайно холодными, например, 1165 и 1168 гг. Особенно была «зима зла велми» в 1187 г. Таких морозов, какие стояли тогда, прежде на Руси не бывало. В это время вспыхнула эпидемия. В каждом доме были больные. Нередко некому было “воды подати”» [Борисенков, Пасецкий 1983: 80]. Учитывая климатические условия, весной и в начале лета на утренней заре тонкий и легкий шелк мог и не удовлетворять потребности в сохранении тепла.

Однако, с точки зрения художественной выразительности то, чем именно Ярославна утерла бы раны своего мужа, вряд ли имеет определяющее значение для изображения женской грусти и выражения горя Русской земли. Так, когда речь идет о трактовке этого фрагмента «Слова» в китайской славистике, пока не наблюдается отдельных научных трудов, посвященных данному конкретному лексическому выражению. Во всех китайских исследованиях рассматриваются сам образ Ярославны и особенности культуры Древней Руси. В трех из пяти работ плач Ярославны сопоставляется с известной китайской легендой о плаче Мэн Цзян Нюй у Великой стены⁸.

⁸ Молодая жена Мэн Цзян Нюй долго ждала своего мужа, который отправился строить Великую китайскую стену. Но муж всё не возвращался. Не дождавшись его, Мэн Цзян Нюй пришла к месту строительства стены и узнала, что ее муж уже умер от непосильной работы. На найдя даже кости умершего мужа, Мэн Цзян Нюй оставалась

В этих исследованиях китайские русисты в основном сосредотачиваются как на сходствах между образами Ярославны и Мэн Цзян Нюй, на добром, нежном и любвеобильном характере героинь, так и на разнице в культурах древней Руси и древнего Китая⁹. В подобных более макроскопических аспектах та деталь, в какой форме и из какого материала изготовлен «рукавь» русской героини, уже оказывается менее важной.

В то же время ограниченность версий не лишает этих исследований культурного значения. Герменевтические интерпретации «бебряна рукава» имеют «инструментальное значение» для исторического изучения. С помощью разносторонних исследований постепенно складывается более полная и осязаемая картина социально-культурной жизни Древней Руси XII в., когда было составлено «Слово». Отечественные ученые видят в словосочетании уже не литературный смысл, а те культурные феномены, которые могут за ним скрываться. Иными словами, это выражение важно исследователям именно его неисчерпаемой загадочностью.

Таким образом, вопрос о значении словосочетания «бебрянь рукавь», как мы видим, не только до сих пор остается дискуссионным в русистике, но и выходит в последнее время на междисциплинарный уровень. Сопоставление имеющихся вариаций трактовок этого фрагмента «Слова» тем интереснее, что не только открывает перед исследователями возможность проследить за изменениями научной картины мира, но также позволяет заметить, что художественный перевод, хотя и опирается на научные данные, отстает от них.

у стены, проливая слезы день и ночь. Проплавав десять дней и десять ночей, она услышала грохот, почувствовала, как земля задрожала, увидела, как песок и камни разлетелись: Великая стена обрушилась, кости мужа героини обнаружили под камнями.

⁹ См. [明羽 (Мин Юй) 1999]; [马玲 (Ма Лин) 2011]; [潘虹 (Пань Хун) 2014].

Литература

1. Захаржевская Р.В. История костюма: От античности до современности. 3-е изд., доп. Москва : РИПОЛ классик, 2006. 287 с.
2. История культуры Древней Руси — История культуры Древней Руси. В 2 томах / под общей редакцией Б.Д. Грекова и М.И. Артамонова. Т. 1. Домонгольский период: Материальная культура / под редакцией Н.Н. Воронина [и др.]. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1951. 484 с.
3. Комиссаржевский Ф. История костюма: Уникальные материалы по истории костюма с древнейших времен. Москва : Астрель; АСТ; Люкс, 2005. 335 с.
4. Лемешкин И.В. *Бебрянь vs. *верчень/*берчать рукавь // Труды Отдела древнерусской литературы. 2017. Т. 65. С. 43–61.
5. Мещерский Н.А. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Учёные записки ЛГУ. № 198. Серия филологических наук. 1956. Вып. 24. С. 3–9.
6. Мещерский Н.А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 43–48.
7. Пичхадзе А.А. Лексические особенности памятника и вопрос о локализации перевода // «История Иудейской войны» Иосифа Флавия : древнерусский перевод. В 2 томах. Т. 1 / А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Москва : Языки славянской культуры, 2004. С. 26–39.
8. Слово 1915 — The Tale of the Armament of Igor [Слово о полку Игореве] / редактор и автор перевода Л.А. Магнус. [L.A. Magnus]. Лондон [London] и др. 1915. 123 с. (На англ. яз.)
9. Слово 1950 — Слово о полку Игореве / под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. 481 с.
10. Слово 1952 — Слово о полку Игореве / вступительная статья Л.А. Дмитриева и В.Л. Виногорадовой ; подготовка текста и комментарий Л.А. Дмитриева. Ленинград : Советский писатель, 1952. 308 с.
11. Слово 1954 — Слово о полку Игореве / вступительная статья «Золотое слово русской литературы», редактор текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примечание Д.С. Лихачева. 2-е изд., доп. Москва ; Ленинград : Детгиз, 1954. 231 с.
12. Слово 1961 — Слово о полку Игореве / вступительная статья «Золотое слово русской литературы», редактор текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примечание Д.С. Лихачева 2-е изд., доп. Москва ; Ленинград : Детгиз, 1961. 229 с.
13. Слово онлайн — «Слово о полку Игореве»: Параллельный корпус переводов. Электронный инструмент сравнительного изучения текстов. URL: <http://nevmenandr.net/slovo/> (дата обращения: 24.09.23).
14. Соколова Л.В. Каким «рукавом» утирала Ярославна кровавые раны Игоря (к вопросу о поэтике «Слова о полку Игореве») // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 7–37.
15. Шарлемань Н.В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 6. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 111–124.
16. Шарлемань Н.В. Природа и люди Киевской Руси: Воспоминания: Автобиографии: Переписка. Киев : ВД «Простір», 2014. 1136 с.
17. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Ленинград : Гидрометеиздат, 1983. 240 с.
18. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 《伊戈尔远征记》在中国 [«Слово о полку Игореве» в Китае] // 外国文学研究 [Исследования иностранной литературы]. 1985. № 4. С. 14–21. (На кит. яз.)
19. 马玲 [Ма Лин]. 由孟姜女与雅罗斯拉夫娜的哭的比较透视中俄文化 [Различие китайской и русской культуры через сопоставления плачей Мэн Цзян Нюй и Ярославны] // 安徽文学 [Аньхойская литература]. 2011. № 10. С. 72–73. (На кит. яз.)
20. 明羽 [Мин Юй]. 孟姜女与雅罗斯拉夫娜的“哭夫” [Плачи Мэн Цзян Нюй и Ярославны] // 理论与创作 [Теория и творчество]. 1999. № 2. С. 42. (На кит. яз.)
21. Плач Ярославны — Ярославна плачет [Плач Ярославны]. Перев. 刘文飞 [Лю Вэньфэй] // 刘文飞 [Лю Вэньфэй], 陈方 [Чэнь Фан]. 俄国文学大花园 [Большой сад русской литературы]. 武汉 [Ухань]: 湖北教育出版社 [Хубэйское образовательное издательство]. 2007. С. 8. (На кит. яз.)

22. 俄国史诗. 义葛出征记 [Русский эпос. Слово о полку Игореве]. Перев. 默无 [Мо У] // 红豆漫刊. 世界史诗专号 [Журнал Хундоу. Специальный номер «Исторические эпосы мира»]. 1934. Т. II, № 3 (1934). С. 47–48. (На кит. яз.)
23. 潘虹 [Пань Хун]. 中俄文学史上的“千古一哭”——孟姜女与雅罗斯拉夫娜哭泣的比较研究 [Вечные плачи в истории китайской и русской литературы — сравнительное исследование плачей Мэн Цзян Нюй и Ярославны]: дисс. ... маг-та филол. наук. Аньхой. 2014. 49 с. (На кит. яз.)
24. Слово 1957 — 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве] / пер. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин]: 人民文学出版社 [Народное литературное издательство]. 1957. 66 с. (На кит. яз.)
25. Слово 1983 — 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин]: 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 1983. 67 с. (На кит. яз.)
26. Слово 1991a — 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин]: 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 1991. 67 с. (На кит. яз.)
27. Слово 1991b — 伊戈尔出征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с древнерус. 李锡胤 [Ли Сиинь]. 哈尔滨 [Харбин]: 黑龙江大学辞书研究所 [Институт лексикографии Хэйлунцзянского университета], 1991. 152 с. (На кит. яз.)
28. Слово 2000 — 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. 北京 [Пекин]: 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 2000. 87 с. (На кит. яз.)
29. Слово 2017 — 伊戈尔远征记 [Слово о полку Игореве]. Перев. с рус. 魏荒弩 [Вэй Хуанну]. В сб.: 魏荒弩译伊戈尔远征记. 涅克拉索夫诗选 [Переводы Вэй Хуанну. Слово о полку Игореве. Стихотворения Некрасова]. 魏荒弩 译 [Вэй Хуанну (перев.)]. [Пекин]: 人民文学出版社 [Народное литературное издательство], 2017. С. 1–83. (На кит. яз.)

«*Bebryan Sleeve*» from «*The Tale of Igor’s Campaign*» in Russian and Chinese Slavic Studies

Anna V. Arkhangelskaia,
PhD in Philology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
E-mail: arhanna@mail.ru;

Li Ziwei,
Postgraduate student
Lomonosov Moscow State University
E-mail: zwli1563107653@outlook.com

The phrase “bebryan sleeve” remains one of the most confusing expressions in «The Tale of Igor’s Campaign». Researchers propose new interpretations about it from time to time. This article aims to overview various explanations of this expression according to the rationality and validity of each view. The main research materials of this paper are various essays in Russian and Chinese slavic studies and translations of «The Tale of Igor’s Campaign» into both languages. In addition, the authors also analyze the limitations of the various hypotheses and indicate the ambiguity of “bebryan sleeve”. Subsequently, the importance of hermeneutic research into this phrase for the literary and historical-cultural study are systematically assessed.

Key words: bebryan sleeve, «The Tale of Igor’s Campaign», Yaroslavna’s lament, hermeneutical research, translation.